

С. А. АДРИАНОВ

«На дне» Максима Горького

Критический набросок

О новой пьесе г. Горького поговорить стоит. До сих пор ее могла знать только публика двух городов, в которых пьеса эта исполнялась на сцене, — москвичи и берлинцы¹. Успех был огромный, особенно в Берлине. Дифирамбы немецкой прессы давно были уже перепечатаны нашими газетами и всем известны. Между прочим, один прусский офицер, большой патриот своего отечества и поклонник железного кулака, впал в тяжкое раздумье, прослушав пьесу г. Горького, и затем вымолвил: «Да, с такой нацией одними пушками не справишься...»

Теперь пьеса появилась в печати и стала общим достоянием. Говорят, что на книжном рынке давно уже не бывало такой ходкой книжки. Все спешат запастись ею и убедиться, действительно ли удалось г. Горькому создать литературное произведение европейского значения.

Сюжет пьесы несложный. В подвале, «похожем на пещеру», помещается ночлежка, хозяин ее — дрянной старикашка Костылев, жадный и ревнивый ханжа. Жена его, Василиса, красивая и молодая баба, ненавидит мужа и путается с одним из обитателей ночлежки, Васькой Пеплом; Пепел — вор по профессии, сильный и дерзкий парень. Он живет с Василисой, но мыслями его владеет младшая сестра хозяйки, Наташа, которую не успела еще засосать тина ночлежки. Костылевы эксплуатируют бедную девушку, взваливая на нее всю тяжелую работу и преследуя ее бранью и зверскими побоями. История достигает варварской жестокости, когда Василиса угадывает, что сестра является ее соперницей, хотя сама Наташа симпатии к Ваське не обнаруживает. Убедившись окончательно, что Васькиной любви не вернуть, Василиса готова примириться с этой потерей, соглашается отдать Пеплу Наташу и даже сулит ему много де-

нег, но с тем условием, чтобы он «снял с нее петлю», освободил ее от мужа. Пепел отвергает это предложение; под влиянием некоторого странника Луки, о котором речь ниже, он мечтает о том, чтобы порвать с прошлым и вместе с Наташей начать новую жизнь. И Наташа, которая до сих пор отвергала все предложения Пепла, теперь соглашается идти за ним. Но Василиса, подслушавшая их разговор, решается настоять на своем. Она уродует Наташу, опрокинув на нее кипящий самовар, доводит этим Пепла до бешенства и дьявольскими подуськиваниями умеет так раздражить его, что он убивает-таки Костылева. Василиса и Пепел идут под суд, а Наташа, вылечившись в больнице от ожогов, пропадает без вести: она убеждена, что Пепел ее обманывал и действовал заодно с Василисой.

Эта драма происходит на фоне пьяной, грязной и бессмысленной жизни подвала, воплощенной в целой галерее «бывших людей». Разнообразные фигуры выписаны со свойственным г. Горькому знанием этой среды, реально и выпукло. Тут и бывшие мастеровые, и бывший аристократ, и бывший интеллигент, и бывший актер; рядом с ними булочник, крючники, публичная женщина, торговка и т. д. У всех этих лиц есть общая черта: жизнь и собственная натура так или иначе выбили их из колеи, заставили опуститься «на дно», превратиться в подонки общества; в этой среде считаются ненужными и неуместными всякие навыки, выработанные культурою, всякая сдержка диких и грязных инстинктов.

И вот в этой среде происходит, рядом с изложенной уже драмою, еще и другая, которая органически переплетается с первою и даже обуславливает самый ход и характер ее развития.

В ночлежке появляется странник Лука, шестидесятилетний старик. Эта фигура едва ли не самая удачная и оригинальная в пьесе, и мы на ней остановимся подробнее. Биография Луки туманна; восстанавливать ее приходится по намекам, рассеянным в разных местах пьесы. В молодости он жил без удержу, поддаваясь порывам своего огневого темперамента, много увлекался женщинами. «Гляди, какой я, — говорит Пеплу, — мысленный... А отчего? От этих вот самых разных баб... Я их, баб-то, может, больше знал, чем волос на голове было». По-видимому, в связи с одним из таких увлечений, Лука «ошибся однажды», т. е. спровадил кого-то на тот свет и попал в Сибирь, на каторгу или на поселение, а затем сбежал и теперь бродит «без бумаг» с места на место по всей Руси, приглядываясь к людям, их характерам, поступками «верам». «Понять хочется дела-то человеческие», — говорит он в одной сцене. Плодом этих исканий

является у Луки глубокое и своеобразное понимание жизни, которое ставит его выше всех бедствий и страданий человеческих, побеждает всякую безнадежность, открывает смысл в самых безобразных мучениях и зерно человечности в самых низких падениях. Вооруженный этой мудростью, Лука спокойно, радостно и безбоязненно идет по юдоли бедствий и умеет вызвать надежду в отчаявшемся сердце, воскресить жажду нравственной жизни в человеке, который успел уже укрепиться в своем нравственном падении и огрубеть до презрительного отрицания всякого идеального стремления к лучшему.

Лучшие русские писатели давно уже пытались создать тип мудрого сердцеведа и руководителя совести человеческой, и каждый художник разрешал эту задачу по-своему. Толстой создал Акима во «Власти тьмы», Достоевский — старца Зосиму в «Братьях Карамазовых». К той же задаче подошел и г. Горький и разрешил ее в фигуре Луки, не похожей ни на Акима, ни на старца Зосиму.

У Луки нет нравственного ригоризма Акима, он никого не призывает к покаянию, пассивному страданию и смирению. Пройдя через убийство и каторгу, и не чувствуя себя нравственно искалеченным, Лука не приписывает преступлению такого ужасного и неисправимого значения, как Аким. Для Луки убийство — несчастная ошибка, которая портит человеку жизнь, и потому следует ее избегать, в буквальном смысле этого последнего слова: он настойчиво советует Пеплу прямо уйти от Косты-левых, чтобы не поддаваться соблазну и не убить старика; он одобряет Бубнова, который, вовремя уйдя, избег соблазна убить любовника жены. Но если человек не успел вовремя уйти и «убил подлеца», как Сатин, то Лука в таком случае далек от аскетического экстаза Акима: он прямо любит нераскаянным убийцею Сатиным, потому только, что Сатин «легко жизнь переносит», т. е. преступление его не раздавило, хотя и заставило «свихнуться со стези своей», опустило «на дно». Люб Луке и Васька Пепел, который прямо говорит: «Я не каюсь... в совесть я не верю». В Пепле есть нечто, что, с точки зрения Луки, будет куда покрепче мистических жупелов — это инстинктивная жажда лучшей жизни: «Я одно чувствую, — говорит Пепел, — надо жить... иначе! Лучше надо жить! Надо так жить... чтобы самому себя можно мне было уважать»... — «Верно, милый, — подхватывает Лука, — дай тебе Господи... Помоги тебе Христос! Верно: человек должен уважать себя...»

Вольное отношение к женщинам Аким считает основным грехом Никиты, корнем всех его преступлений. Лука и в этом

отношении не сходится с Акимом. Правда, он советует Пеплу уйти от Василисы, которая «подзадоривает его на ошибку», но тут же разрешает взять с собой Наташу, «коли девка эта за душу тебя задела». «А то — один иди, — прибавляет Лука, — ты — молодой, успеешь бабой обзавестись». Позже, правда, Лука убеждается, что Наташа очень пригодится Пеплу и сумеет поддержать его в минуту колебания. Тогда старик помогает им дойти до соглашения; но, во всяком случае, ясно, что и отношению к женщинам Лука не придает такого важного и решающего значения, как Аким.

От старца Зосимы Луку резко отделяет полное отсутствие «соприкосновения мирам иным», ему чужды мистические и молитвенные экстазы, чужды умиленные настроения, в которых Зосима постигал, что «все мы за все и перед всеми виноваты»; Лука не чувствует потребности связывать свои практические выводы с вещами метафизическими, с потусторонним миром и с христианскою традициею, что, однако, не помешало бы Зосиме причислить Луку к тем людям, которые «облика Христова суть». Нечего, конечно, и говорить о пропасти, которая лежит между внешними манерами Луки и Зосимы.

Итак, создавая тип Луки, г. Горький сумел изобразить его в оригинальных очертаниях, не поддаваясь искушению раздражительности, хотя нелегко сохранить оригинальность и содержательность, берясь за задачу, разработанную уже такими колоссами, как Толстой и Достоевский.

Что же такое Лука? Сатин, понимающий его лучше всех, говорит про него: «Старик живет из себя... он на все смотрит своими глазами». И это верно. Луке не надо никаких внешних авторитетов и поддержек. Он в себе самом находит довольно силы, чтобы разобраться в хаосе жизненных явлений, чтобы устоять перед тайною жизни, не поддаваясь искушению дряблого фатализма или же бесцельного вызова. Лука знает, конечно, по собственному опыту, что жизнь — дело нелегкое. «Всяк по-своему жизнь терпит», — говорит он. Но, вместе с тем, тягота жизни не есть нечто, наложенное на человека злой внешней силой. Никакой силы, лежащей вне человека, Лука не знает. Все в человеке и все во власти человека.

— Слушай, старик: Бог есть? — спрашивает Луку Пепел.

Лука молчит и улыбается.

— Ну? Есть? Говори, — настаивает Пепел.

— Коли веришь, есть, — негромко отвечает Лука, — не веришь, нет... Во что веришь, то и есть...

Итак, для человека имеет реальное значение лишь то, что он находит в своей душе. И, наоборот, все, во что верит человек, все это имеет совершенно реальную силу. И Сатин верно улавливает основную мысль Луки, комментируя его слова в следующем монологе:

— Человек может верить и не верить... это его дело! Человек — свободен... он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум. Человек за все платит сам, и потому он — свободен!.. Человек — вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! Это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! Это — огромно! В этом — все начала и концы... Все — в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга!

Тут уже человек сознает себя не отдельной, бессильной единицей, а органической частью огромного целого, именуемого человечеством. В жизни этого целого масса несовершенств, тяжких недоразумений, грубого неведения; все это остро чувствуется отдельными личностями, как зло и страдание, но личные скорби и падения теряют роковую власть над тем, кто верит в целое и в разумность жизни целого. У Луки эта вера есть.

— Для лучшего люди-то живут, милачек, — говорит он Сатину. — Вот, скажем, живут столяры и все — хлам-народ... И вот из них рождается столяр... такой столяр, какого подобного и не видала земля; всех превысил и нет ему в столярах равного. Всему он столярному делу свой облик дает... и сразу дело на двадцать лет вперед двигает... Так же и все другие... слесаря там... сапожники и прочие рабочие люди... и все крестьяне... и даже господа — для лучшего живут! Всяк думает, что для себя проживает, а выходит, что для лучшего! По сту лет... а, может, и больше для лучшего человека живут!

Лука и крепко этой верою в «лучшего человека», в идеал, к осуществлению которого движется человечество среди бестолковщины, зла, смрада и страданий повседневной жизни. И, что главное для Луки, — осуществление этого идеала может быть достигнуто не иначе, как усилием человеческой же воли. Лука и убедился, путем изучения жизни и людей, что стремление к идеалу — есть основной закон души человеческой, что почти все люди сознательно или бессознательно полны этого стремления, а у кого эта жажда лучшего заглохла, в том нетрудно разбудить ее вновь. Таким образом, идеализм Луки вырастает не из отвлеченных метафизических основ, а из живых впечатлений, получаемых от действительности. Об этом стремлении к

лучшему Лука начинает говорить уже с первого появления на сцене:

— И все, гляжу я, умнее люди становятся, все занятнее... и хоть живут все хуже, а хотят все лучше...

В третьем акте он высказывается о том же предмете, но уже с большею серьезностью и уверенностью в успехе. Сообщает он о своем намерении идти «в хохлы», посмотреть новую веру, которую там открыли.

— Все ищут люди, — замечает он по этому поводу, — все хотят — как лучше... дай им, Господи, терпенья!

— Как думаешь... найдут? — спрашивает Пепел.

— Люди-то? Они — найдут! Кто ищет — найдет... Кто крепко хочет — найдет!

— Кабы нашли что-нибудь, — тоскует Наташа, — придумали бы получше что...

— Они — придумают! — утешает Лука, — помогать только надо им, девонька... уважать надо...

И в другом месте, по другому случаю Лука говорит: «Человек все может, лишь бы захотел».

Такая вера в силу человеческой воли тесно связана у Луки с признанием права всякой личности на уважение, как бы низко данная личность не пала. «Я и жуликов уважаю, — говорит Лука, — по моему, ни одна блоха не плоха: все — черненькие, все — прыгают». «Разве можно человека бросать? Он — каков ни есть, а всегда своей цены стоит». Любимое присловье Луки — «Уважьте человеку». Необходимость уважения к человеку Лука обстоятельно разъясняет в связи с проповедью о том, что все «для лучшего человека живут».

— Все, милачок, все, как есть, для лучшего живут. Потому-то всякого человека и уважать надо... неизвестно ведь нам, кто он такой, зачем родился и чего сделать может... может, он родился-то на счастье нам... для большой нам пользы?.. Особливо же деток надо уважать... ребятишек! Ребятишкам — просто на добен! Деткам-то жить не мешайте... Деток уважьте!

Человек для Луки все. Но часто у этого царя не хватает силы, он сбивается с пути, падает. И Лука требует жалости к павшим, не унижительной жалости, смешанной с сознанием собственного превосходства над павшим, а жалости, проникнутой уважением к образу человеческому, как бы загрязнен и затуманен он ни был. Относясь так к другим, человек, по мнению Луки, должен и самого себя уважать, и в случае нужды пожалеть. Последнее уж дело, если человек утратил веру в себя, в благородную основу души своей, если замерло в нем

бодрое чувство, влекущее к лучшему, и самая мечта об этом лучшем угасла.

Таков Лука, таков его субъективный идеализм. Яркими чертами рисует г. Горький с первого акта своей пьесы ту среду, в которую попадает этот идеалист, среду, служащую как бы резким протестом против всех верований странника. Люди потеряли всякое уважение и к себе и к другим, презирают жалость, гогочут над всяким проявлением идеалистического свойства. Умирает в злой чахотке жена слесаря Клеца — Анна, и Бубнов доволен, что смерть прекратит ее кашель, от которого жильцам ночлежки так беспокоино. Несчастливая Настя заливается слезами над мечтой своей о былой любви, — кругом хохот, издевки, оскорбления. Клец, выросший честным работником, но загнанный нуждою в ночлежку, цепляется за скудную работишку, чтобы не попасть в золоторотцы, и вопит в отчаянии, что не хочет он уподобиться тем, которые «живут без чести, без совести», а Пепел равнодушно ему отвечает: «А куда они — честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести»; И весь этот грубый и жесткий народ считает себя в праве пребывать в своей грубости и жестокости, думает, что именно он-то и смотрит на жизнь прямо, свободно.

Появление Луки вносит что-то новое в устоявшиеся нравы и взгляды ночлежки. Немудреными словами и немудреными поступками он умеет зацепить за живое почти всех обитателей подвала, поднимает со дна их душ мысли и настроения, которых они сами в себе не подозревали. Лука показывает свободомыслящим золоторотцам, что уважение и жалость к человеку, честь и совесть, вера в идеал и стремление к нему — все это не выдумки, навязанные откуда-то извне, а реальнейшая действительность души, что можно эту действительность придушить и закопать, но убить ее не так-то легко. Только Костылев, да, пожалуй, его жена, утратившие всякий признак облика человеческого, лишены того, о чем проповедует Лука. Но ведь зато они уже и не люди. «Ежели тебе, — говорит Лука Костылеву, — сам Господь Бог скажет: «Михайло! Будь человеком!...» Все равно — никакого толку не будет». Но ведь свободомыслящие золоторотцы считают себя людьми, не хуже работника Клеца в нравственном отношении, а в умственном — даже неизмеримо выше, именно потому, что они свободны от рабского поклонения перед теми фантомами, из-за которых Клец так глупо мучит себя. Признает их людьми и Лука, и именно потому с таким спокойствием и уверенностью обращается к ним с проповедью. И Лука не ошибается: со дна души босаяцкой мало-

помалу поднимаются созвучные отклики на слова странника, и это пробуждение павших душ составляет ту вторую драму, которая переплетается с личной трагедией Пепла и составляет едва ли не основной мотив всей пьесы, так как и история Пепла с Наташей является только частным проявлением того настроения, которое внесено Лукою в жизнь ночлежки.

Сам Лука верует в «лучшего человека», и эту веру разделяет Сатин. В Сибири Лука знал «одного человека», который в праведную землю верил. «Должна, — говорит, — быть на свете праведная земля... в той, дескать, земле, — особые люди населяют... хорошие люди! друг дружку они уважают, друг дружке — за всяко просто — помогают... и все у них славно, хорошо!» Органически присущая душе вера в истинную человечность и жажда этой человечности объективируются для Луки как грядущий в жизнь идеал, а для сибиряка — как идеал, уже воплотившийся, уже реализовавшийся где-то. Если бы Луке или Сатину кто-нибудь сумел доказать, что их лучший человек — абсурд, то они, люди самостоятельные, наметили бы какое-нибудь другое воплощение для своей мечты, потому что они уже знают, что «не в слове — дело, а — почему слово говорится? — вот в чем дело». Но для людей, у которых понимание душевных явлений и аналитическая способность еще не развиты, — для таких людей форма так сливается с содержанием, внешний символ так срастается с заключенной в нем внутренней идеей, что отрицание правдивости символа равносильно крушению самой идеи. Так было и с сибиряком. Ему доказали, что праведная земля есть абсурд, что ее нигде не существует, — и опустошилась душа бедняка, который иначе, как в виде реально существующей праведной земли не мог представить себе самое дорогое упование своей души. Он повесился, — «не стерпев обмана», — как говорит Наташа, обмана в той вере, которую жил.

Лука давно уже понял, что ценны не внешние проявления человека, а его внутренние импульсы. Он знает, что часто правда души человеческой воплощается в таких формах, которые кажутся с точки зрения близорукого реализма совершенно нелепыми и дикими. И в таких случаях восстановление правды реальной, относительной представляется для Луки не только праздным, но и прямо вредным, потому что калечит правду абсолютную и вечную, отнимает у человека основной признак человечности, «веру в лучшего». Озверение грозит тому, кто в силах примириться с утратой этой веры; а в ком жажда человечности сильна, тот, утратив веру, впадает в мрачное отчая-

ние и может прийти, как сибиряк, до петли. Поэтому Лука поддерживает в каждом человеке любимую мечту, в какие бы фантастические формы она ни отливалась. Анна верит в Царство Небесное, и Лука ласково и подробно говорит ей о том, что ожидает ее после смерти. Настя верит в былую свою любовь, и Лука с полным доверием спрашивает ее о мелких подробностях ее вымышленного романа. У кого мечты нет, тому Лука дает ее: Актера манит рассказами о больнице, в которой радикально лечивают алкоголиков, Пеплу рисует возможность возрождения в Сибири, да дает ему и еще посошок в дорогу, наказывая Наташе: «Ты только почаще напоминай ему, что он хороший парень, чтобы он, значит, не забывал про это! Он тебе — поверит... ты только поговаривай ему: Вася, мол, ты — хороший человек... не забывай!» Лука знает, что для Пепла вера в себя, уважение к себе тоже самое, чем для повесившегося сибиряка была праведная земля. Слишком рьяным поклонникам реальной правды Лука возражает: «Она, правда-то, не всегда по недугу человеку... не всегда правдой душу вылечишь»... И еще в другом месте:

— Чего тебе правда больно нужна... подумай-ка! — говорит Лука Пеплу, — она, правда-то, может, обух для тебя...

— А мне все едино! — отвечает Пепел, — обух, так обух...

— Да чудак! На что самому себя убивать?

Для Луки одно только ценно — человек и человечность, а все остальное, в том числе и правда, важно лишь постольку, поскольку служит человеку и человечности, поскольку помогает народению лучшего. Лука, как видите, не идолопоклонник и никогда не поставит твари выше творца, никогда не пожертвует человеком ради того, что человеком же и создано, хотя бы это создание носило великое имя правды.

Таким представляется мне идейное содержание новой пьесы г. Горького. Я остановился на основных чертах и пропустил детали, среди которых, однако, есть немало весьма замечательного. Но думаю, что и сказанное уже достаточно доказывает, что «На дне» вещь незаурядная. Конечно, нам, русским людям, выросшим на великих художниках школы сороковых годов, не приходится провозглашать г. Горького гением, как то делают берлинцы. Мы привыкли встречать у художника проникновенное изображение жизни, разоблачение тайников духа человеческого, глубокие философские и моральные идеи. И в разбираемой пьесе многое напоминает мотивы наших прежних писателей. Самое задушевное верование Луки — вера в лучшего человека, в героя, или в праведную землю — встретится и в

роднике народной фантазии, и у великих поэтов наших. Народ рассказывает о невидимом святом граде Китеже, о праведнике, спасающемся где-то в горах и т. п. Пушкин проклинает

...правды свет,
 Когда посредственности хладной,
 Завистливой, к соблазну жадной
 Он угождает праздно².

И ему, как и беглому каторжнику Луке, «нас возвышающий обман» был дороже «тьмы низких истин». И Тургенев рисовал фигуру Касьяна с Красивой Мечи³, который «по свету ходит, правды ищет» и верит в землю, где «всяк человек живет в довольстве и справедливости». В завете, который Лука дает Наташе, звучит мысль Кириллова («Бесы» Достоевского): «Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив». И еще: «Они нехороши потому, что не знают, что они хороши... Надо им узнать, что они хороши, и все тотчас же станут хороши, все до единого». И вообще Достоевский был истинным апостолом свободы духа, апостолом уважения и жалости к человеку, следуя Пушкину, который тоже «восславил свободу и милость к падшим призывал». Не буду умножать этих сопоставлений, замечу только, что привожу их отнюдь не в осуждение г. Горькому. Я уже сказал, что и образы, и идеи свои он выносил в душе своей самостоятельно, не поддаваясь искушению подражательности, и поэтому, если в произведении его есть связь с традицией народной и с интересами лучших наших писателей, то это может быть поставлено ему только на плюс. Для меня теперь ясно, что г. Горький окончательно выбился на правильную дорогу. Путем естественного внутреннего роста он приблизился к тем вопросам, которые составляют суть исканий русского человека в течение долгого уже времени, и на разрешение которых устремлялись лучшие мыслители и художники. И ставит г. Горький эти вопросы на ту же почву, на которой выросли лучшие явления нашей литературы, которая есть исконно русская почва, и без которой русский человек теряет свою оригинальную силу. Вся новая русская литература выросла из Пушкина. Пушкин — это праведная земля русских художников, и благо для г. Горького, что он, быть может, бессознательно, оказался пришедшим к этой праведной земле.

«На дне» представляет значительный шаг вперед в развитии творчества г. Горького, и в отношении идеалов, и в отношении художественной техники. Г. Горький давно уже ищет тип сильного духом человека, который смотрел бы на жизнь трезво

и прямо, отрешившись от всяких традиционных категорий, который ничего не берет на веру, не подчиняется никакому авторитету, принимает лишь то, что для него ясно и несомненно. В различных фигурах воплощается для г. Горького этот тип. В первых рассказах самыми сильными и свободными людьми оказывались те, которые не чувствовали к другим людям ничего, кроме презрения или злости, и единственную целью своей жизни ставили удовлетворение эгоистических, в большинстве случаев — грубо материальных инстинктов; в душах этих людей моральные запросы как бы отсутствовали, и выходило так, что нравственность живет только в слабых и робких душах. Мораль — страшная сказка для детей; свободный и сильный человек смеется над ней. Правда, что и в первых рассказах Горького сильные люди — нет-нет, да и затоскуют, но причина тоски была для них неясна; легче всего было объяснить ее внешними обстоятельствами и особенно тем, что сильных людей мало, что общий уклад жизни определяется не их требованиями, а психикой малодушной и рабской толпы. Потом в свободном человеке проснулась жажда осмыслить жизнь. Фома Гордеев крепко задумался над вопросом, зачем люди живут, и что такое жизнь? Внутри себя он ответа не нашел; стал спрашивать разных людей, — и люди ничего ему ответить не могли. Тогда затосковал свободный человек, затосковал и с ума сошел. С теми же вопросами подступал г. Горький к жизни и в последующих повестях («Мужик», «Трое»), и ответа не находил. Основная причина неудачи лежала в том, что г. Горькому казалось невозможным совместить в одной личности силу и свободу с моральностью. Но все попытки создать сильную фигуру человеческую без моральных импульсов терпели крушение. Выходили типы, неудовлетворительность которых чувствовалась автором. Недаром «Мужик» остался неоконченным и не вошел в собрание сочинений. Только теперь Лука подсказал г. Горькому выход из противоречия, казавшегося неразрешимым. Моральность — не бессилие, а сила, зиждительная и могучая, одна только способная дать смысл жизни, и притом это — не внешние путы, а основное свойство души человеческой. Значит, и истинно могучий, здоровый тип надо искать не вне границ морали, внутри их. Теперь только для исканий и творчества г. Горького открывается новое поприще, широкое и благородное. И если вспомнить, что еще так недавно, в «Мещанах», он в антитезу дряблему поколению выставил грубый и узкий тип Нила, то как не признать, что в новой пьесе он далеко шагнул вперед. Правда, и теперь Васька Пепел, который

должен был бы быть истинным героем пьесы, оказался неудачным, но ведь это первая попытка на новом поприще, и я думаю, что г. Горький, который, конечно, уж не расстанется с выяснившимся для него путем, сумеет дать гораздо более полное и законченное воплощение этого типа.

Прогресс в художественной технике сказывается не так определенно и решительно, хотя, если сравнить две попытки г. Горького на драматическом поприще («Мещане» и «На дне»), то преимущества окажутся на стороне второй. В самом деле, в «Мещанах» не наблюдается ни яркого драматического действия, ни внутреннего единства. Там перед зрителем проходит ряд сцен, написанных реально и талантливо, но внутренняя связь между ними так слаба, что добрую половину их можно переставлять, а многое можно и выбросить без ущерба для развития фабулы. Нет внутренней необходимости, которая заставляла бы данный сюжет обработать именно в драматической форме, а не в форме повести. В новой же пьесе есть уже несомненный драматический элемент — история Васьки Пепла; второй и третий акты богаты драматическим движением, катастрофа подвигается быстро и естественно, впечатление трагизма растет и заключительная сцена третьего акта проведена мастерски. Однако автор справедливо назвал и эту пьесу «картинами», а не драмой. Драма не удалась по многим причинам. Во-первых, центральной фигурой оказался Лука, человек с совершенно устоявшейся психикой; внутри его не происходит никакой борьбы, нет никакого драматизма; это — резонер. Истинно драматическое лицо — Пепел, но он-то как раз и есть фигура наименее разработанная, и потому автор не мог отвести ему в пьесе такого доминирующего положения, которое дало бы возможность создать настоящую, сконцентрированную драму. Вообще, психика Пепла не достаточно выяснена, а любовное объяснение его с Наташей в третьем акте прямо натянуто. Не справившись с Пеплом, автор естественно направил слишком много внимания на второстепенные фигуры и тем раздробил единство пьесы, превратил ее в «картины».

Далее, в пьесе есть персонажи, без которых она могла бы обойтись. Что, например, существенного вносят в характеристику главных лиц и в развитие драмы Медведев, Квашня, Алешка, Кривой Зоб, Татарин? Нет слов, все эти фигуры, сами по себе взятые, хороши, но для чего они введены в пьесу? Затем следовало бы первый акт или сократить, или более органически привязать к развитию основного сюжета, насытить его, так сказать, драматическим движением. Особенно неудачным,

в смысле драматической архитектуры, надо признать четвертый акт. Катастрофа третьего акта дает такую естественную и исчерпывающую развязку, что зритель ушел бы из театра совершенно удовлетворенным, если бы четвертого акта и совсем не было. Ценное психологическое содержание, которое есть и в этом акте, надо было бы ввести органически в самую драму, а не обособлять в лишний привесок. Таким образом, «На дне» все-таки сбивается на бытовые сцены.

Нет речи, что сцены эти гораздо талантливее, чем громадное большинство изделий, заполнивших за последнее время нашу сцену. Но — большому кораблю большое и плавание. Талант обязывает, и потому к г. Горькому невольно применяешь более строгие требования, чем к обычным драмоделам. И я теперь твердо убежден, что у него хватит сил на создание настоящей драмы, а искренняя любовь его к литературе и тот глубокий, серьезный человеческий интерес, которым движется вся его деятельность, позволяют думать, что г. Горький и впредь будет честно работать над своими произведениями и даст все, что в его силах.

